

УДК 811.114

ПОЗИТИВ ИМЕНИ В СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ¹

Е. М. Якимова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:**Chernikova@bsu.edu.ru*

Исследуются способы выражения языкового позитива именами собственными: форма имени, варианты именования, дистрибуция имени, контекст – в семейных родословных. Представлены результаты статистического анализа формул и вариантов именования родственников.

Ключевые слова: имя собственное, варианты именования, дистрибуция, языковой позитив, семейные родословные.

Изучение языка семейных родословных позволяет наметить интегративные области науки: нейроконцептологию [1], лингвогенеологию [2] и даёт возможность исследовать синергетику типа текста, проникнуть в игровую (семейно-дружескую) герменевтику имени [3]. Исследователи имён собственных, равно как исследователи речевого этикета, не раз отмечали отсутствие разработки социостилистической парадигмы форм личного имени «в их социокультурном пространстве и лингвокультурологической специфике» и указывали «на многообразие формул, которое может дать официальная формула именования русского человека, что может быть истолковано с позиций прагмалингвистики» [4, с. 30 – 31]. Представляется, что материалы семейных родословных создают оптимальную базу для изучения социостилистических парадигм форм личного имени не только в социокультурном и лингвокультурологическом аспектах, но и в рамках общей теории языкового позитива.

Трудно найти категорию слов, в большей степени обладающих положительной коннотацией, нежели имена собственные (личные). «Имя по сущности своей глубоко положительно, это – сама положительность, само утверждение (назвать – утвердить на веки вечные, закрепить в бытие навсегда, ему присуща тенденция к нестираемости, несмыываемости, оно хочет быть врезанным как можно глубже, в возможно более твёрдый и прочный материал и т. п.), в нём нет ни грамма отрицания, уничтожения, поэтому вокруг имени сосредотачиваются все положительные, утверждающие, хвалебно-прославляющие формы языковой жизни (оно глубоко эпично, с другой стороны и эпос (также трагедия) не могут быть анонимными или псевдонимными или неисторичными, т. е. о заведомо вымышленном, типическом, только возможном лице, как роман) <...> Пока сохраняется имя (память), сохраняется (остаётся) в бытии именуемый, продолжает ещё жить в нём» [5, с. 146].

*Дед моей бабушки со стороны отца **Овчаров Андрей Никитич** был женат на крестьянке **Вере**. У них было 13 детей: **Ирина, Матрёна, Татьяна, Мария, Акулина, Анна, Елизавета, Тимофей, Фёдор, Прокофий, Иван, Василий, Семён** (Л. А. А.). Прапрадед **Кузенко Фёдор Павлович**, 1885 года рождения. Родился в с. Погореловка в семье крестьян. <...> В 1910 году женился на **Калитиной Анне Евграфовне**. <...> А род **Кузенко** продолжается уже в четвертом и пятом поколениях. В Риге у сына **Петра** выросли три сына: **Александр, Борис, Владимир**, в Новом Осколе у **Ивана** – два сына: **Василий и Виктор**, у дочери **Анны** в Ростовской области – **Зоя и Зинаида** и сын **Пётр**, у **Александров** в Белгороде – сын **Юрий**, у дочери **Анастасии** – дочь **Ольга** (Б. М.).*

В семейных родословных подобные контексты напоминают документный курс. Основная интенция автора – зафиксировать официальные формулы именования

¹ Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2013 г. (проект 6.8195.2013).

всех родственников (1139 контекстов, содержащих полную официальную формулу именованья (ФИО), из более 10 000). В сознании человека неразрывно единство «человек – имя», и количество контекстов свидетельствует о значимости имени собственного, а соответственно и члена семьи. *Ничего не осталось и от другого моего прадеда, Григорьева Ивана Алексеевича, рядового, погибшего в 1943 году в Каменно-Подольске. Осталась лишь добрая память о нём и имя, высеченное на камне, на мемориале погибшим воинам в селе Верхопенье Белгородской области Ивнянского района (Г. Е. В.).* Несохраниённость имени коррелирует с информационными провалами текста, что почти всегда сопровождается сожалением автора родословной об утрате столь значимой информации.

Позитивное звучание имён собственных демонстрируют контексты, выражающие субъективное отношение к имени (1) или включающие ассоциации автора (2) либо сведения о ситуации выбора имени (3).

(1) *Она всегда меня понимает, разделяет все мои переживания, радости и печали, всегда готова помочь – поддержка её непереоценима. У неё прекрасное имя Нина (М.А.Н.).*

(2) *Имя Ольга переводится как святая, великая. Яркий пример этому великая равноапостольная княгиня Ольга. Это была великая и очень сильная женщина. После смерти мужа она отомстила его убийце, воспитала князя Святослава, своего сына, одна, объединила и упорядочила жизнь в своём государстве. Ольга первая приняла христианство, показав пример другим (Д. О. Г.).*

(3) *Когда папа с мамой поженились и родилась я, они долго спорили, как меня назвать. Маме нравились одни имена, а папе – другие. Родители пошли на компромисс: они выписали имена, которые не вошли в список избранных и выбрали то, которое устраивало обоих – Ирина, что значит мир (Т. И. В.).*

Приведённые контексты содержат авторские вкрапления и свидетельствуют об особом (позитивном) отношении к личному имени со стороны носителей языка.

Смысловое восприятие может соотноситься со знанием семантики имени в языке-источнике. Проявления данного фактора связаны с верой человека в то, что наречение определенным именем предполагает перенос положительных черт характера на именуемого. *Мне очень нравится это имя, ведь с греческого языка оно переводится как «чистая, непорочная». (Б. Е. Ю.). Решили, что я буду Натальей. Я очень рада, что мне дали именно это имя. «Наталис» в переводе с греческого означает «родной, природный» (Б. Н. А.).*

В семейных родословных широко представлена картина имянаречения: приводятся имена, которые рассматривались в качестве возможных вариантов для именованья человека, озвучиваются причины выбора имени, среди которых наиболее частотным является называние в честь родственника либо в честь святого. В целом, наличие такой информации в сочинениях о семье (экстралингвистические и лингвистические мотивы выбора имени) подтверждает приведенную мысль М.М. Бахтина о положительности и высочайшей ценности имени для его носителя.

Свойственная русской культуре внутрисемейных отношений широкая амплитуда называния родственников позволяет разнообразить ряд позитивных именованья:

– диминутив: *Главой семьи, несомненно, была прабабушка, Марья Николаевна – Марьюшка, как называли её и родные, и соседи (А. Д. С.); Вскоре Ольга с Сергеем решили ехать к родственникам Олечки (так ласково называл он её) (Н. Е. И.); Особо хочется отметить, что после смерти прабабушки Анны её родители, а мои прапрабабушка Любаша (как её называют до сих пор все те, кто о ней помнит) и прапрадедушка Федот, постоянно помогали молодой семье (Р. А. В.);*

– гипокористический вариант (усечённая форма имени): *И однажды в соседнем хуторе ему понравилась девушка, её звали Евдокия, а подружки называли её просто Доня (Г. Ю. В.);*

– народный вариант, который в настоящее время воспринимается как самостоятельное официальное имя *Егор* вместо *Юрий*: *Один из сыновей Елизаветы Еврамовны – это мой дедушка Скобенко Георгий Иванович, в семье его называли Егором или Юрой (В. А. А.);*

– фонетический вариант, который в отличие от вышеперечисленных даже не закреплён в словарях личных имен, будучи употреблённым единожды, выступая как окказионализм: *Мне хочется немного рассказать о моём прапрадедушке по маминской линии Зыбине Владимире Гордеевиче (по документам), но его почему-то все звали Володей (с ударением на последнем слоге) (С. И. Г.);*

– словообразовательный вариант: *Меня назвали Алеся. <...> Мои подружки называют меня Леся, Леська, Лесёнок (Ж. А. О.);*

– параллельный иноязычный вариант: *Никогда раньше не видел он таких девушек. <...> Как вы уже догадались, это и есть моя прабабушка Ефросинья. Не нравилось молодому пану это простенькое имя, и поэтому, признаваясь в любви к моей прабабке, мой прадед говорит: "Дорогая моя Еффо! Единственная моя! Никогда я тебя не отпущу! Люблю я тебя больше жизни, но любишь ли ты меня?" (С. М. В.);*

– семейное имя: *В настоящее время в нашей семье эту «тройку» мы называем Люся (Людмила), Лися (Лариса) и Тася (Наталья). Но почему Люся, я думаю, понятно. А вот Лисей тётю Ларису назвал сын тётки Наташи, когда ещё был очень маленький. Сначала все смеялись, а потом это вошло в обиход, как и Тася (И.М.);*

-- индивидуальное имя: *Я очень похожа на маму. Меня ведь называли в её честь. Всегда, когда кто-то зовёт меня или маму, откликаемся мы обе. Но папа меня называет Мальши, а маму Людой. Это решение проблемы с именами (С. Л. В.);*

– новое имя в другой семье: *Детей у бабушки Маруси и дедушки Вани не было, и они удочерили сироту – Анну (в семье её звали Галей). Анна (Галя), окончив школу, поступила в Шебекинское училище, стала лаборантом и уехала по распределению в Ангарск (А. Д. С.);*

Отметим процентное соотношение вариантов именования в семейных родословных: имя – 43 %, гипокористическое имя – 27 %, диминутив – 5 %. Имя и его варианты наиболее предпочтительны в повествовательном жанре семейных родословных. Многочленные официальные варианты именования: фамилия+имя+отчество – 11 %, фамилия+имя – 2 %, имя+отчество – 12 % – составляют меньшее количество, что обусловлено однократным употреблением таких формул в интродуктивном контексте (первое упоминание имени собственного) либо в прямой речи. В целом, наличие вариантов именования (около 10 000 контекстов с именами собственными из 400 авторских сочинений), несомненно, свидетельствует о значимости имени не только для членов семьи во внутрисемейном общении, но и для автора в процессе создания письменного текста.

Для семейных родословных характерно почти полное отсутствие форм имени с пейоративной окраской. Негативные прозвища остаются за рамками текста как некорректная о личности информация. Родословные содержат прозвища с положительной оценкой.

Пришли на завод, нашли отдел кадров, начальник смотрит на неё («а, рассказывает дальше бабушка, я маленькая ростом была, хоть мне уже и исполнилось 16 лет, с косичками, в рваных туфлях, хоть на улице только апрель») и говорит: «Ну, что, Раченёнок (бабушкина девичья фамилия была Ракова), работать хочешь? Ну что же, работай!» И принял её на завод (Н. Л. А.).

«Особенностью языка семейных родословных является сбережение не отрицательных, а положительных характеристик, которые лишь с большой натяжкой можно трактовать, как прозвищные. Так, слово *кудесник* трудно считать прозвищем, поскольку прозвище ассоциируется с негативными характеристиками человека.

Приведенный далее контекст свидетельствует, однако, не о разовом, а о системном, регулярном величании человека, о ситуациях позитивного прозвища. Правда

второй из далее приводимых примеров свидетельствует, что само слово «прозвище» не предполагало пейоративной оценки. *Надо заметить, что прадедушка отличался большой практичностью, мог любую ненужную вещь к чему-нибудь приспособить, за это его в родной деревне звали «кудесник» (Ж. Г.). Прозвище имел дед Лука Мудрый. Решал многие спорные вопросы между сельчанами (П. А. В.) [2, с. 67 – 68].*

Жанровым субститутом прозвищ в жанре семейных родословных выступают дворовые фамилии. Дворовая фамилия – это дополнительная к официальной и повсеместно в сельской местности распространённая фамилия всех членов семьи. Дворовые фамилии своим происхождением обязаны или прозвищам (как правило, без отрицательной коннотации), или именам предков, остающихся в памяти односельчан. *Вскоре на свет появились еще четверо детей: Валя, Вера, Толик и Лёник. Жили бедно. Наше подворье до сих пор называют «галушата». Потому что любопытные бабки на вопрос, что сегодня ели, получали один и тот же ответ: галушки! (Л. Е. Ю.). Семья прадеда Павла была зажиточной. Его братья и сёстры крепко стояли на ногах, много работали. Их подворье в деревне звали Зориновы, так как вставали они с зарёй, много работали (И. Т. В.).*

Положительную оценочную коннотацию получают также контексты, в которых употребляются (1) фамилии или отчества, выступающие как контекстуальные синонимы к слову имя, либо (2) сочетания фамилии с неофициальным именем (диминутивом). *(1) Что же случилось с нашими стойкими, трудолюбивыми, смелыми Кузьминьми? (Г. М. В.); А с мальшиами нянчилась и домашнее хозяйство вела бабушка Кузьминична (К. М. В.). (2) И как можно было не полюбить милую Машеньку Захарову? (Г. М. В.)*

Довольно часто в семейные родословные органично вплетаются отрывки внутрисемейного общения. Для каждой семьи как языкового коллектива характерна особая, уникальная совокупность личных имен и их вариантов. Изучая имена собственные в вокативном употреблении, В.И. Супрун отмечал, что «существуют личные и семейные предпочтения в выборе деривата: *Маша, но не Маня, Дима, но не Митя, Саша, но не Шура, Мила, но не Люда, Люда, но не Люся, Виталий, но не Виталя и пр.*» [6]. Подобные именованья в своей массе составляют неповторимый словарь антропонимической лексики в семейной сфере. Дословно цитируемые в родословных варианты именованья свидетельствуют о намерении автора запечатлеть то положительное, что есть в речевой практике семьи.

А когда бабушке было 70 лет (у неё дня рождения не было, поэтому мы придумали 5 июля), то внуки нарисовали огромный плакат, в котором поздравляли любимую бабушку. Она им очень гордилась и даже сказала своему зятю: «Володя, вот будет тебе 70 лет, и тебе внуки нарисуют такое» (К. Е. А.).

Когда родной брат приехал к ней и сказал, чтобы она отдала сына Колю ему (он отдаст его в Суворовское училище), она ответила ему: «Нет, брат Стёпа, будем умирать, то все вместе» (М. Д. И.).

Не жалеете, что закрепились в селе, Раиса Ивановна? – спрашивали односельчане. / А о чем жалеть? Здесь прошла моя жизнь. Здесь прожили в мире и согласии с моим мужем Иваном Павловичем, здесь мы построили свой дом, здесь родились наши дочери Лидя и Светлана, здесь наши внуки (Г. Ю. В.).

И тут-то сердце бабушки растаяло: согласилась выйти замуж за деда и до конца своих дней повторяла: «Я вышла замуж не за Данилу, а за Светочку». Они с дедом вырастили его дочь, двоих своих детей, да ещё троих сирот, которых бабушка подобрала во время войны (Л. Е. А.).

Дальше рассказывает дедушка: «Вдруг вижу: со стороны Лозно-Александровки по дороге идёт солдат. Очень ярко в памяти: по одну сторону зелёный лес, по другую – жёлтое пшеничное поле, вверху – голубое небо, и на этом фоне – фигура мужчины в гимнастёрке. Женщины бросили серпы, замерли. Чей? И

вдруг среди этой звенящей тишины раздался крик мамы: «**Михайло!**». Это был мой отец. А я его совсем забыл за эти годы» (К. М. В.).

Хранительницей семейного очага все эти годы была Анна Кузьминична. Жалела Агриппину, укоряла сына, нянчилась с внуками. Анну Кузьминичну внуки называли «бабушка **Кузьминична**» и любили её беззаветно. Односельчане **Кузьминичну** уважали. Она обладала удивительной способностью «заговаривать» боль, поэтому страждущие шли к ней за помощью со всей округи (К. М. В.).

В рамках изучения языкового позитива в семейных родословных обращает на себя внимание окружение имён собственных (дистрибуция), их синтагматические особенности в нарративных контекстах. Испытывая влияние жанра, имена собственные (официальные и неофициальные) сочетаются, в первую очередь, с терминами родства.

1. «Жанрообусловленные лексемы + официальное имя собственное»: *прабабушка **Токарева Матрёна Макарьевна**; двое детей: **Качанова Антонина Алексеевна**, **Качанова Ирина Алексеевна**; троюродная сестра **Мария Новикова**, дочь **Валентина***. К жанрообусловленным лексемам мы относим термины родства: *прапрадед **Кузенко Фёдор Павлович** (919)*, термины родства в сочетании с притяжательными местоимениями: *моя прабабушка **Столяренко Марфа Тимофеевна** (884)* либо с именами числительными: *двое детей: **Жмаева Ольга**, **Жмаев Александр** (217), первая дочь **Надежда** (194)*. На первый взгляд подобные контексты не добавляют имени позитивного звучания, т.е. с точки зрения выражения языкового позитива они аналогичны контекстам, которые содержат только официальные имена собственные (ФИО – 376; ФИ – 89; ИО – 724; И – 2439). О положительной интенции сохранения, запечатления имени родственника свидетельствуют следующие факты. Во-первых, в интродуктивном контексте авторы сочинений о семье стремятся указать наиболее полную формулу имени собственного. Во-вторых, довольно большая группа контекстов (459) представляет собой описание генеалогической ветви и содержит несколько терминов родства, что отражает авторскую интенцию установить родственные связи и отметить свою причастность к семейному социуму: *папина бабушка, то есть моя прабабушка **Шурова Евгения Ивановна**; сын **Макария**, мой прадед, **Черкашин Михаил***;

2. «Жанрообусловленные лексемы + неофициальное имя собственное (гипокористическое)»: *моя мама **Света** (148), дочь **Рая** (923), трое детей: **Таня**, **Алёша** и **Оля** (34), моя вторая бабушка **Таня** (31), старшая дочь моей бабушки, моя тётя **Лида** (105), семилетний брат **Коля** (60)*. В родословных даже при нарративном употреблении антропонимические сочетания типа *дедушка **Петя**, прабабушка **Лида** (406), мой прадедушка **Миша**, моя бабушка **Люся** (68)* своей формой, звуковой оболочкой, особым планом выражения актуализируют только положительное отношение к носителю имени и несут в себе часть семантики имени;

3. «Жанрообусловленные лексемы + неофициальное имя собственное (диминутивное имя): *дочь **Катюшка**, два сына **Артёмка** и **Павлик**, моему брату **Вадик**, моя прабабушка **Марьюшка** (74)*. В реальном общении диминутивы в большей степени характерны для наименования детей либо младших родственников, однако в семейных родословных диминутивы используются для называния старших членов семьи с целью выражения положительного отношения к ним.

В плане выражения языкового позитива контексты с нейтральными лексемами в большей степени подвержены влиянию имени, его формы или варианта именования. Сочетаясь с позитивными лексемами, имя собственное, с одной стороны, испытывает влияние дистрибуции. С другой стороны, имея мелиоративную коннотацию, личные имена усиливают позитивное звучание контекста.

1. «Нейтральные лексемы+ официальная формула имени». Нейтральные лексемы указывают на возраст (определённый и неопределённый), место проживания, род деятельности, профессию, происхождение, национальность и т. д.: *девятнадцатилетняя **Надежда**, на коренной белгородке **Скорняковой Антонине Григорьев***

*евне, молодому мастеру бондарного дела Ивану, в юную учительницу Екатерину Васильевну, простой крестьянки Анны Кузенко, с украинцем Иваном Соменко (163 или 66 %). Как показывает квантитативный анализ, наиболее значимыми характеристиками являются «Возраст» (57) и «Профессия, род деятельности» (57). Подобная сочетаемость имени порождает контексты, содержательно близкие к документному дискурсу, поскольку включают формальные сведения. Однако синтагматические особенности разрядов имени собственного приближают контексты к нарративу, в котором возможно выражение авторского субъективного (позитивного) отношения, например, при описании неопределённого возраста (*постаревшая Мавра, повзрослевшая, похорошевшая Наталья*), при упоминании профессии (*крепкий бурлак Александр Черняев, храброго майора-артиллериста Кирилла Мелехова*), при указании места жительства (*в семье сельских тружеников Потехиных Владимира Борисовича и Веры Григорьевны*);*

2. «Позитивные лексемы + официальная формула имени». К позитивным лексемам можно отнести группы слов, которые характеризуют человека с положительной стороны: внешность, отношение окружающих, черты характера и т.д.: *красавице Надежде, черноглазая красавица Дарья, долгожданную девочку Александру, щедрого и внимательного Петра, свою любовь Николая Сулу, мудрого Ивана Кузьмича, на милой и обаятельной Ольге Ильиничне Манечкиной, вторую половинку Васильченко Екатерину Павловну, своего любимого человека Михаила (85 или 34%)*. Отметим, что группа лексем, называющих человека и имеющих позитивное значение, немногочисленна, однако, во-первых, в сочетании с именем отсутствуют негативные характеристики, во-вторых, наиболее частотными являются положительные характеристики внешности родственника (30) и сведения о межличностных внутрисемейных отношениях (27), последние репрезентируют высокоположительные символы: *свое счастье Михаила, свою любимую Анастасию*.

Контексты с потенциально нейтральными именами собственными приобретают явно положительную окраску в сочетании с существительными (терминами родства), имеющими уменьшительно-ласкательные суффиксы, либо с прилагательными *любимый, несравненный, золотой, дорогой, родной: моей любимой и золотой бабушке Белоусовой Нине Сергеевне, моя родная и любимая бабуся Недобей Анна Феодосьевна, горячо любимой прабабушке Анастасии, братик Григорий, сынишка Николай, маленькие дочурки Азафия и Феврония, моя любимая бабушка Мария Ивановна, наша бабуля Полина (39)*. В подобных конструкциях преобладают термины родства в различных вариациях, усиливающих позитивное звучание личного имени (*мамочка, бабуля, братишка, сестренка и т.д.*).

Единичны контексты, в которых с официальной формой имени употребляются такие термины родства, как *бабка, прабабка: бабушка Федора, прапрабабка Феодосия, с женой Марией, моей прабабкой*;

3. «Нейтральные лексемы + неофициальная формула имени (гипокористическое имя)»: *пятилетняя Катя, небогатого Вову, украинку Катю, казачка Даша, свою односельчанку Лену (84)*;

4. «Позитивные лексемы + неофициальная формула имени (гипокористическое имя)». Контексты с подобными конструкциями разнообразны, имена в наибольшей степени испытывают влияние дескрипций. Гипокористические имена, являясь нейтральными по отношению к формам имени с мелиоративной и пейоративной окраской, в семейных родословных под влиянием контекста тяготеют к положительным формулам именования.

Первая группа контекстов включает лексемы с положительной окраской: *на своей красавице Насте, его спасительницы Жени, моя любимая мамочка Нина, долгожданный и любимый сын Ваня, его любимая девушка Катя, первую доченьку Настю (55)*.

В плане употребления имени собственного в родословных можно выделить вторую группу контекстов, более развёрнутых, которые содержат подробную информацию о причинах позитивного звучания гипокористического имени в семейном общении: *В 1939 году родилась дочь Светлана. Даниил ласково называл её Лана (К. А. П.). Бабушка Луша – так ласково все её называли, она видела немало в своей жизни: революцию, гражданскую войну, голод, Великую Отечественную войну, послевоенную разруху (Ж. А. О.);*

5. «Нейтральные лексемы + неофициальная формула имени (дими́нутивное имя)»: *хрупкая Надюша, новорождённая Оленька, коренная жительница посёлка Разумное Настенька, тринадцатилетний Павлик (40)*. Позитивный характер данным конструкциям придают именно дими́нутивные имена, которые используются для именованья детей. При назывании дими́нутивным именем старшего родственника отражается 1) детский возраст именуемого в момент запечатления, импринтинга его образа: *новорождённая Оленька, маленькая Иршика*; 2) соотнесённость временных планов: *маленькая Валюшка (моя мама)* 3) внутрисемейные традиции, привычки, особенности именованья: *нашу Любочку*;

6. «Позитивные лексемы + неофициальная формула имени (дими́нутивное имя)». Данные конструкции отличаются позитивным оттенком, о чём говорит как лексическое значение нарицательного добавления, так и морфемы в составе ИС: *мой младший братишка Мишутка, маленький братик Илюша, своего любимого Павлушу, приветливую и заботливую прабабушку Любашу, его родная Настенька, красавица Любочка (58)*. Отметим, что лексемы в контексте усиливают позитивные ассоциации имени. Некоторые формы имени, которые в речевой практике могут восприниматься как пейоративные, в контекстах семейных родословных приобретают положительные коннотации: *мой родной человек Мишка*.

Исследование имен собственных в семейных родословных с точки зрения общей теории языкового позитива позволило сделать следующие выводы.

1. Позитивное звучание имён собственных в жанре семейных родословных определяется авторской интенцией назвать непременно всех родственников полной официальной формулой именованья, следствием чего является обилие имён собственных в языковой ткани сочинений о семье;

2. Авторские вкрапления, содержащие информацию о мотивах имянаречения, сведения об этимологии имени, субъективные ассоциации, свидетельствуют о внимании к личному имени, которое воспринимается как первое положительное знание о человеке;

3. Для жанра семейных родословных характерно явление гетеронимативности лица, причем варианты именованья, во-первых, отражают позитивный характер внутрисемейного общения (гипокористические имена, дими́нутивы, индивидуальные варианты как результат словотворчества, фонетические, народные, иноязычные варианты), во-вторых, свидетельствуют о стремлении автора выразить личное позитивное отношение к именуемому, в-третьих, позволяют максимально разнообразить парадигму личного имени с учётом его функционирования в контексте;

4. Отражение внутрисемейного общения в родословных можно рассматривать как необходимое условие для сохранения позитивного значения имени. Цитирование высказываний старших родственников предполагает непременно сохранение положительно окрашенных имен собственных: прозвищ, дворовых фамилий или определённых вариантов именованья (отчеств или фамилий, выступающих в качестве контекстуальных синонимов к слову имя);

5. Компоненты, входящие в дескрипции, включают в себе весьма богатое содержание и являются значимыми в информативном плане (нейтральные лексемы). Кроме того, имена собственные сочетаются с жанрообразующими и позитивными лексемами. В отношении выражения языкового позитива семейные родословные дают весьма интересные результаты: позитивно звучат гипокористические имена в сочета-

нии с терминами родства, официальные формулы именованя в сочетании с позитивными лексемами. Синтагматические особенности имён собственных в исследуемых текстах можно рассматривать как жанровые признаки, поскольку термины родства и позитивные лексемы, сопровождающие имена собственные, являются весьма частотными и едва ли не обязательными для исследуемого жанра.

Список литературы

1. Павлова А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 162 с.
2. Харченко В. К., Черникова Е. М. Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
3. Харченко В. К. Перспективы исследования языка семейных родословных // Единство системного и функционального характера языковых единиц. – Вып. 7. – Ч. 1. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун.-та, 2003. – С. 31 – 34.
4. Формановская Н. И. Социокультурное пространство русского личного имени и современные средства массовой информации // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун.-та, 2004 – С. 30 – 31.
5. Бахгин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 134 – 164.
6. Супрун, В.И. Антропонимы в вокативном употреблении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020\(01_04-2001\) &xsln=show Article.xslt&id=a16&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020(01_04-2001) &xsln=show Article.xslt&id=a16&doc=../content.jsp).

POSITIVE OF THE NAME IN FAMILY GENEALOGIES

E. M. Yakimova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Chernikova@bsu.edu.ru*

The article discusses the means of representation of the linguistic positive by the proper nouns (name forms, ways of naming, distribution of names, context) in family genealogies. The author presents the results of the statistical analysis of the used formulas and the ways of naming the relatives.

Key words: proper nouns, ways of naming, distribution, linguistic positive, family genealogy.